

Александр МАЙОРОВ

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И «ПРИНЦ ТАРТАР» НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ НА ЮЖНУЮ РУСЬ

*Данные венгерских и русских источников
о контактах Даниила с татарами*

Жалованная грамота венгерского короля Бела IV, адресованная некоему Николаю, сыну Обичка из Зюд (Nikolaus filius Obichk de Zyud)¹, датирована 22 апреля 1244 г. В ней речь идет о пожаловании этому королевскому сервиенту в награду за верную службу в период татарского нашествия земли Коаржег (terra Koarzeg)².

Документ сохранился в оригинале и трех копиях конца XIII в., одна из которых представляет собой подтверждение пожалования 1244 г., сделанное королем Андреем III в 1291 г. По свидетельству Рихарда Марсины, автора последней публикации документа, оригинал дошел до нас в виде грамоты, писанной на листе пергамента (485×437+73 мм), которая происходит из архива семьи Мадяч (Madách). Ныне эта грамота хранится в Архиве актов Венгерского национального архива в Будапеште (Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár. DL 72302)³.

Как явствует из документа, упомянутый в нем Николай (Миклош), сын Обичка из Зюд, был королевским послом, выполнявшим важные дипломатические поручения и побывавшим при папском дворе, а также в Венеции, Болгарии и на Руси. Во время посещения Руси он встречался с князем Даниилом и привез от него послание к королю Беле, касавшееся взаимоотношений с татарами.

В грамоте читаем: «В русские и болгарские земли он (Николай. – А.М.) отправлялся послом от нас, обещал нам подробный рассказ светлейшего герцога Даниила, который, повидав принца Тартар, возвращался домой и поэтому видел и разузнал положение дел у тартар и при помощи пера донес разведанное»⁴.

М.С. Грушевский первым обратил внимание на приведенное свидетельство грамоты Бела IV и, сопоставив его с рассказом Галицко-Волынской летописи о поездке Даниила в Орду, датируемым концом 1245 – началом 1246 г., пришел к выводу, что источники говорят о разных встречах князя с татарами. Однако с каким татарским принцем

мог видаться Даниил до поездки к Батыю, Грушевский определить не смог, предположив лишь, что это мог быть один из темников, например Мауци (Могучий)⁵.

О связях Даниила с монголо-татарами, установленных до поездки в Орду, писал, ссылаясь на упомянутую грамоту Белы, В.Т. Пашуто, не входя, впрочем, в детальное обсуждение вопроса⁶. Грамота Белы, по мысли А. Авенариуса, свидетельствует, что около 1244 г. состоялась первая, неизвестная по другим источникам, поездка князя в Орду⁷.

Я.Р. Дашкевич обратил внимание на сообщение Галицко-Волынской летописи о том, что сам Батый искал встречи с Даниилом, возвращаясь из своего похода в Венгрию, когда послал к князю двух богатырей - Манмана и Балая⁸. Встреча между ними и, следовательно, первый контакт Даниила с Батыем должны были состояться еще в 1243 г. Именно об этой встрече русского князя с «принцем Тартар», по мысли историка, сообщил венгерскому королю его посол Николай⁹.

Такого же взгляда придерживается В.Н. Нагорный, предположивший, что целью миссии Манмана и Балая было подчинение галицко-волынского князя Батыю, и эта цель, судя по всему, была достигнута¹⁰. М. Бартницкий, опираясь на данные грамоты Белы IV, сделал предположение, что до апреля 1244 г. Даниил мог даже совершить поездку в Монголию и заручиться поддержкой центрального правительства империи¹¹.

Следует, однако, заметить, что использование сведений жалованной грамоты венгерского короля от 22 апреля 1244 г. вызывает ряд серьезных затруднений, а сам этот документ требует специального источниковедческого исследования.

Прежде всего, в начальном протоколе грамоты использована совершенно нетипичная для 1240-х гг. интитуляция: «[Б]ела, милостью Божией король, первородный [сын] короля Венгрии» (*[B]ela, dei gracia rex primogenitus regis Hungarie*). В других документах этого времени Бела IV титуловался иначе, например: «Бела, милостью Божией король Венгрии, Далмации, Хорватии, Рамы, Сербии, Галиции, Лодомерии и Комании» (*Bela, dei gracia Vngarie, Dalmacie, Croacie, Rame, Servie, Gallicie, Lodomerie Comanieque rex*)¹².

Далее, интересующая нас грамота, как и большинство королевских документов, имеет двойную датировку – по числу лет от Рождества Христова и числу лет правления самого Белы IV. В нашем случае дата конечного протокола имеет следующий вид: грамота дана «в год воплощения Господня тысяча двести сорок четвертый, десятые календы мая, нашего королевства двадцатый» (*anno dominice incarnationis millesimo ducentesimo quadragesimo quarto, X kalendas maii, regni autem nostri vicesimo*).

Однако, если исходить из общепринятой даты коронации Белы IV эстергомским архиепископом – 14 октября 1235 г.¹³, приведенные в жалованной грамоте даты не соответствуют друг другу: 22 апреля 1244 г. приходится не на двадцатый, а на середину девятого года правления Белы.

Отмеченные особенности документа вызвали различные толкования у исследователей, заставляя колебаться в определении даты издания грамоты, а иногда даже сомневаться в ее подлинности.

Указав на противоречие в датировке грамоты, Дьёрдь Фейер и Мориц Вертнер склонялись в пользу достоверности второй даты – по числу лет правления короля Белы – и в результате датировали документ 1254 г.¹⁴ При такой датировке в источнике могла идти речь о поездке Даниила в Орду на рубеже 1245–1246 гг., подробно описанной в Галицко-Волынской летописи.

Отдавая приоритет известию русской летописи, Дюла Паулер датировал королевскую грамоту 1246 г.¹⁵ Эту датировку принимают и некоторые новейшие исследователи, в частности Тору Сенга и Марта Фонт¹⁶. Т. Сенга сделал вывод, что содержание грамоты противоречит ее датировке. Историк предположил, что посольство Миклоша было связано с событиями 1246 г.: встречей Даниила с папским легатом Плано Карпини, бракосочетанием дочери Белы Констанции и сына Даниила Льва и участием русского князя на стороне венгров в битве на Лейте¹⁷.

Сомнения насчет аутентичности грамоты Белы IV высказывает Дариуш Домбровский. Вместе с тем содержащиеся в документе сведения о контактах Даниила с неким монгольским правителем, имевшие место ранее весны 1244 г., историк находит вполне достоверными¹⁸.

Высказывались и более категоричные суждения. Янош Карачоньи и Имре Сентпетери сочли грамоту от 22 апреля 1244 г. фальсификацией. Помимо странной путаницы в датировке и сомнительного королевского титула, исследователи указали на некоторые другие нетипичные особенности документа¹⁹. Правда, И. Сентпетери признал, что в конце XIII в. в королевской и архиепископской канцеляриях документ воспринимался как подлинный, о чем, в частности, свидетельствует проведенная в 1296 г. специальная экспертиза, на основании которой было подтверждено сделанное от имени короля Белы IV земельное пожалование²⁰.

Обобщив наблюдения венгерских археографов и источниковедов, Я.Р. Дашкевич сделал вывод: подозрительность или фальшивость грамоты с узко дипломатической (юридической) точки зрения не исключает правдивости хотя бы части содержащихся в ней сведений. К сведениям жалованной сервиенту Миклошу грамоты, которые в

историческом и источниковедческом отношении выдерживают критику, историк отнес и «упоминание о встрече Даниила с татарским полководцем ранее 1244 г.»²¹.

Оригинал грамоты 22 апреля 1244 г.

Как видим, в изучении интересующего нас источника сложилась весьма парадоксальная ситуация. При общем позитивном отношении к свидетельству королевской грамоты о контактах Даниила Романовича с одним из предводителей татар до поездки в Орду сама эта грамота вызывает серьезные сомнения в своей подлинности. Во всяком случае, подозрительной представляется дата издания грамоты, следовательно, неясным остается и время упомянутой в ней встречи Даниила с «принцем Тартар».

Попытку разрешить это противоречие предпринял недавно М. М. Волощук, автор единственного на сегодня специального источниковедческого исследования грамоты 22 апреля 1244 г.²² В пользу подлинности грамоты, по мнению историка, свидетельствует ее трехкратное подтверждение в 1281, 1291 и 1296 гг. Что же касается противоречия в датировке акта, то нельзя исключать возможности ошибки позднейшего переписчика при копировании одной из дат издания грамоты, значившейся в оригинале. Согласно Волощуку, окончательный ответ на этот вопрос может дать сравнительное изучение всех известных списков королевской грамоты²³.

Такое исследование, однако, уже проделано, и результаты его не оставляют сомнений в том, что противоречивая датировка значилась уже в оригинале грамоты. В 1987 г. текст акта был опубликован по сохранившемуся до нашего времени оригиналу. Описание документа, данное Р. Марсиной, характеризует его как предположительно подлинную королевскую грамоту. О подлинности, в частности, свидетельствует сохранившийся фрагмент двусторонней вислой печати Белы IV из коричневого воска диаметром 50 мм (40 мм в средней части) на красной шелковом (?) шнуре²⁴.

Насколько можно судить, ранее исследователи имели дело лишь с копиями и регестами грамоты 1244 г. Историков интересовал только текст документа, и свои суждения о подлинности акта они строили, исходя из его формулярного анализа. Сказанное, по-видимому, относится и к Дьёрдю Фейеру, первым опубликовавшему документ. Он воспользовался списком из коллекции известного собирателя рукописей и произведений искусства Миклоша Янковича (1772 -1846)²⁵. Опубликованный Фейером документ близок по тексту к оригиналу, но не тождественен ему.

То же самое следует сказать и о публикациях Густава Венцеля²⁶ и Фердинанда Кнауца²⁷. В них не учтены палеографические особенности оригинала грамоты, на которые указывает Р. Марсина, в частности отсутствие заглавной буквы в имени короля Белы, для написания которой оставлен пропуск. Очевидно, не имели дела с оригиналом грамоты 1244 г. Янош Карачоньи и Имре Сентпетери.

Исключение составляет публикация Карла Рата, не только указавшего на отсутствие в оригинале грамоты заглавной буквы в имени Белы, но и отметившего, что грамота имеет вислую печать на красном шелковом шнуре (*vörös selyem zsinórról függő pecsét*). В момент публикации оригинал грамоты принадлежал выдающемуся венгерскому археологу и историку искусства Ференцу Рёмеру Флорису (1815 – 1889) (*eredetie jelenleg Rómer Flórisnál vagyon*)²⁸.

По-видимому, К. Рат и Р. Марсина имели дело с одним и тем же документом – оригиналом королевской грамоты 1244 г. Единственным препятствием для такого вывода остается тот факт, что К. Рат не смог определить принадлежность печати на документе, хотя атрибуция актовых печатей входила тогда в задачи издателей.

Так или иначе, до идентификации фрагмента двусторонней вислой печати на документе из Венгерского национального архива (DL 72302) как маестатной печати Белы IV, произведенной Р. Марсиной, историки не могли быть уверены в том, что до наших дней сохранился оригинал грамоты 1244 г.

Как устанавливает Марсина, идентификация печатей Белы IV может быть проведена даже в тех случаях, когда сохранились только их фрагменты (в половину целой печати), поскольку утраченными, как правило, оказываются восковые края, а уцелевшие части идентичны друг другу. В период с ноября 1242 по 1260 г. использовались королевские печати (*sigilli maiestatici*) по типу изображений на аверсе и реверсе, относящиеся к одному виду (*Sigilla num. 4, 5* – по классификации Марсины)²⁹.

Проведенный Р. Марсиной сфрагистический анализ уцелевшего фрагмента печати грамоты DL 72302 устанавливает его подлинность. О подлинности документа свидетельствуют также результаты палеографического анализа: грамота, несомненно, написана почерком и в соответствии с формуляром XIII в. Историческое содержание документа, в том числе описание мотивов пожалования, в целом представляется достоверным³⁰.

Результаты исследования Р. Марсины ставит под сомнение М.М. Волощук, который утверждает, что ему не удалось отыскать в фондах Венгерского национального архива в Будапеште оригинал королевской грамоты, а под шифром, указанным Марсиной, в действительности хранится другой документ³¹.

Наша проверка показала, что искомый оригинал все-таки существует. По данным официального сайта Венгерского национального архива, оригинал грамоты Белы IV от 22 апреля 1244 г. с вислой королевской печатью хранится под шифром DL 72302, старый шифр - Q 120/4 24³². И если Р. Марсина осторожно характеризовал этот документ как вероятный оригинал (*autographi instar – zdanlivý (predstieraný) original*), то в электронном каталоге архива он уверенно атрибутирован как оригинал грамоты 1244 г. (*Fennmaradási forma: Eredeti*).

Итак, приходится признать, что нетипичный королевский титул и противоречивая дата значились уже в оригинале жалованной грамоты Белы IV Николаю, сыну Обичка из Зюд. Рассуждения исследователей о возможных ошибках, допущенных переписчиками при копировании оригинала, лишены основания. Сомнительные с точки зрения историков нового времени атрибуты грамоты не вызвали подозрений в подлинности документа при его подтверждении в конце XIII в., точнее, не стали причиной для отказа в конфирмации. Очевидно, для этого были свои объективные причины.

Обнаружение и публикация оригинала грамоты 1244 г. при дальнейшем анализе содержания акта требуют исходить из того, что перед нами подлинный исторический документ.

Впрочем, этот вывод не избавляет от необходимости дать объяснение, почему составителем акта употреблен нетипичный для большинства документов того времени королевский титул Белы, а также указана столь же нетипичная дата издания, согласно которой отсчет правления короля начинался задолго до его коронации.

Королевский титул и счет лет правления Белы IV

Известно, что королевским титулом Бела пользовался еще до того, как стал единоличным правителем Венгерского королевства (1235 г.). Об этом, помимо многочисленных венгерских источников, свидетельствует и Галицко-Волынская летопись, которая именует его «Белариксь, рекъмый король Оугорьскый» в рассказе о событиях, относящихся к 1230 г.³³

Значащийся в грамоте 1244 г. королевский титул Белы IV – «милостью Божией король, первородный [сын] короля Венгрии», не встречающийся в официальных документах после 1235 г., отсылает нас к более раннему времени, когда Бела, став соправителем своего отца Андрея II, получил титул «младшего короля» (*rex iunior*). Одним из атрибутов титула *rex iunior* было указание на первородство младшего

короля как старшего сына короля-протектора – *primogenitus regis*. Такой атрибут в титуле Бела неоднократно встречается в документах 1220 – первой половины 1230-х гг.³⁴

Возможно, датировка грамоты 1244 г. двадцатым годом королевства Бела в сочетании с использованием в его титуле атрибута прежних лет – *primogenitus regis* – подразумевала отсчет правления Бела с момента, когда он стал младшим королем-соправителем при своем отце Андрее II.

М.М. Волошук предположил, что отсчет правления Бела мог вестись с 1225 г., когда он был признан Римским папой в качестве младшего короля Венгрии³⁵. О таком признании, по мнению историка, свидетельствует письмо к Беле папы Гоннория III от 15 июля 1225 г. с инскрипцией: «Светлейшему мужу Беле, молодому королю» (*Illustri viro Bele iuveni regi*)³⁶. Но при отсчете от 15 июня 1225 г. грамота 22 апреля 1244 г. приходится на восемнадцатый год правления.

Впервые Бела был коронован своим отцом в качестве младшего короля Венгрии в 1214 г. в возрасте восьми лет, после помолвки с дочерью болгарского царя Борила. Сохранилась подлинная королевская грамота, датированная 1217 г., скрепленная, помимо печати Андрея II, еще и печатью Бела с титулом *rex iunior*³⁷.

Однако в дальнейшем между отцом и сыном произошел разрыв. В 1220 г. Бела женился на дочери никейского императора Феодора I Ласкаря Марии и стал правителем Славонии. Несмотря на то, что Андрей II сам устроил этот брак, уже в 1222 г. разочаровавшись в союзе с Никеей, король-отец потребовал его расторжения. Папа Гоннорий III отказался дать разрешение на развод, Бела же принял сторону папы, забрал жену и бежал в Австрию, опасаясь гнева отца. Только в 1223 г. при посредничестве папы Андрей II примирился с сыном, заключив с ним соглашение, по которому Бела был восстановлен в своих правах, смог вернуться на родину и был назначен правителем Славонии, Далмации и Хорватии³⁸.

Об усилиях Гоннория III по возвращению Беле его королевских прав свидетельствуют два послания, датированных 22 февраля 1224 г. В одном из них, адресованном комиту Позоны (Братиславы) Бузаду (*Buzad comiti de Poson*), папа требует принесения присяги на верность Беле как младшему королю Венгрии. При этом понтифик представляет беглого принца как «премного дорогого во Христе сына нашего Б[елу], короля первородного [сына], дорогого во Христе сына нашего, светлейшего короля Венгрии» (*in maiori carissimi in Christo filii nostri B., regis primogeniti, carissimi in Christo filii nostri, regis Ungarie illustris, adversitate*)³⁹.

Тем же днем датировано еще одно послание Гоннория III, адресованное королю Андрею II и упомянутому комиту Позоны Бузаду. В

этом письме, сохранившемся в виде регеста, папа требует, чтобы Бела, «первородный сын короля, сохранивший свою честь и жизнь в земле австрийского герцога» Леопольда VI, получил гарантии сохранения всех принадлежавших ему ранее прав⁴⁰.

Как видим, самые ранние документы, свидетельствующие о признании за Белой королевского титула со стороны римского понтифика, относятся к началу 1224 г.

24 декабря 1223 г. (anno ab Incarnatione Domini MCCXXIV. IX. Kalend. Januarias) датируется первый официальный документ Белы с титулом «Божией милостью король, первородный сын [короля] Венгрии» (*Bela Dei gratia Rex, primogenitus Regis Ungariae*)⁴¹. К 1223 г. (без указания более точной даты) относится распоряжение короля Андрея II, сохранившееся в виде регеста, в котором Бела именуется «королем, первородным [сыном], наместником Далмации и Хорватии» (*Bela primogenitor nostro rege Dalm. et Chroat. Gubernatore*)⁴².

Появление в титуле Белы нового атрибута *primogenitus regis*, по-видимому, связано с восстановлением его в королевских правах с помощью папы.

Поскольку оно произошло еще в конце 1223 г., то издание жалованной грамоты Николаю, сыну Обичка из Зюд, действительно приходится на двадцатый год королевства Белы с учетом одиннадцати лет его правления в качестве младшего короля, правителя Славонии, Далмации и Хорватии.

Более широкий анализ датировок актов, вышедших из канцелярии Белы IV в 1230 – 1260-е гг., сохранившихся как в оригинале, так и преимущественно в виде позднейших конфирмаций и регестов, подтверждает наш вывод о том, что отсчет его правления мог начинаться ранее 1235 г.

Например, жалованная грамота Яну, сыну Николая, доблестному рыцарю (*Ian, filius Nicolai, strenuus miles noster*), оказавшему неоценимые услуги всем христианам во время татарского нашествия и награжденному за это четырьмя селами в земле Спиша, дана в Буда во второй день июльских нон (8 июля) 1246 г. (*secundo die nonas iulii, anno domini millesimo CC xL sexto*), «в двадцать шестой год нашего королевства» (*regni autem nostri vicesimo sexto*). Если следовать этому документу, сохранившемуся в виде подтверждения, данного королем Ласло IV 3 января 1269 г. (?)⁴³, отсчет лет королевства Белы должен происходить с 1220 г., – очевидно, с момента назначения его правителем Славонии.

Можно привести еще несколько примеров, демонстрирующих странную непоследовательность при датировке документов Белы IV по числу лет от начала его королевства. Так, грамота от 22 марта 1262 г.

дана «в тридцать шестой год нашего королевства» (Anno domini M° CC° LX° secundo, XI. Kalendas Aprilis, regni autem nostri anno tricesimo sexto)⁴⁴, следовательно, общий отсчет правления Белы здесь ведется с 1226 г. Грамота 1235 г. дана «в пятый год королевства» (Anno inc. 1235. indict. 30. regni a. quinto)⁴⁵.

В некоторых документах начала 1260-х гг. срок королевства Белы исчисляется с 1225 или 1231 г.: грамота от 2 сентября 1261 г. дана «в год королевства тридцать шестой» (Anno ab inc. D. 1261. IV. Non. Septembris, regni a. tricesimo sexto)⁴⁶; грамота от 1263 г. - «в год королевства тридцать второй» (a. D. 1263, regni a. tricesimo secundo)⁴⁷.

Есть также немало случаев, когда в королевских грамотах срок правления Белы IV сокращался относительно даты начала его самостоятельного правления – 14 октября 1235 г. Так, грамота от 5 апреля 1251 г. дана «в шестой год королевства» (D. a. inc. d. 1251. Non. April. regni a. sexto)⁴⁸; грамота от 21 февраля 1256 г. - «в тринадцатый год королевства» (a. D. 1256. X. Kai. Martii, regni a. decimo tertio)⁴⁹.

В грамотах конца 1250–1260-х гг. заметна тенденция начинать отсчет правления Белы около 1240 г. Так, грамота 1259 г. дана «в двадцатый год королевства» (anno D. 1259. regni a. vicesimo)⁵⁰; две грамоты 1260 г. - «в год нашего королевства двадцатый» (a. D. 1260. regni a. n. a. vicesimo; regni a. vigesimo)⁵¹; грамота 1267 г. - «в год нашего королевства двадцать седьмой» (anno Domini M° CC° sexagesimo VII°, regni autem nostri anno vicesimo VII°)⁵².

Следует, таким образом, признать, что в датировке грамот Белы IV по числу лет его правления, несмотря на то, что в преобладающем большинстве случаев отсчет велся от 14 октября 1235 г., существовали и другие даты отсчета, связанные с определенными событиями в жизни короля. Одной из таких дат, возможно, было восстановление его прав в конце 1223 г. и приобретение с санкции Римского папы титула Dei gratia Rex, primogenitus Regis Ungariae.

Посольская служба Миклоша: поездки в Рим и Венецию

Содержащееся в королевской грамоте от 22 апреля 1244 г. описание заслуг Миклоша, сына Обичка из Зюд, позволяет составить более или менее ясное представление о времени его посольства на Русь и переговоров с князем Даниилом Романовичем. Судя по всему, эти события произошли за несколько лет до издания грамоты.

Как следует из документа, Бела IV высоко оценил службу Миклоша, прежде всего за то, что последний в период татарского нашествия

на Венгрию оставался верным своему королю и сопровождал его во время вынужденного бегства и пребывания на побережье и островах Адриатического моря, где король нашел убежище. Из Трогира Бела отправил Миклоша к папскому двору, и, преодолевая многие опасности, следуя по морю и по суше, королевский посол достиг Рима, чтобы просить утверждения понтификом почтенных отцов, новоизбранных эстергомского, калочского и дьерского епископов, чьи предшественники погибли от рук татар⁵³.

В «Истории архиепископов Салоны и Сплита» архидиакон Фома Сплитский (ок. 1200 – 1268) сообщает, что три венгерских архиепископа - Матвей Эстергомский, Хугрин Калочский и Григорий Дьерский - пали в битве с татарами на реке Шайо 11 апреля 1241 г.⁵⁴ Из этого же источника узнаем, что, когда венгерский король, спасаясь от татар, бежал «в сплитские земли», при нем находились избранные, но еще не утвержденные в Риме архиепископы Стефан Эстергомский и Бенедикт Калочский⁵⁵.

В расположенном неподалеку от Сплита городе Трогире Бела IV находился в марте, а затем в мае 1242 г., о чем свидетельствуют изданные здесь жалованные грамоты, предоставлявшие горожанам новые и подтверждавшие старые привилегии, в том числе право на владение территориями, на которые претендовала сплитская коммуна⁵⁶. О перемещениях венгерского короля весной 1242 г. можно судить по его грамотам, выданным городам Задару и Клисусу, а также островам Крку и Хвару⁵⁷.

Поскольку, описывая поездку в Рим Миклоша, Бела отметил, что она пришлась на время, когда папский престол был вакантным (*sede apostolica vacante*), следует думать, что посол вернулся к королю еще до избрания папой Иннокентия IV, т. е. до июня 1243 г. После смерти его предшественника Целестина IV (10 ноября 1241 г.) в течение полутора лет выборы папы не проводились, и апостольский престол оставался свободным.

Если следовать указанию грамоты о том, что Миклош ездил в Рим во время татарского вторжения в Венгерское королевство (*adversitas Tartarorum regnum nostrum invaserat*) и выступил в путь из Трогира, то можно полагать, что его поездка началась в марте 1242 г., еще до того как произошел внезапный отход монгольских войск из Венгрии⁵⁸.

Второй заслугой Миклоша было участие в урегулировании «раздора» между венгерским королем и Венецией из-за «приморских земель Адриатики». Верный сервиент доставил в Венецию послания своего короля, и эта трудная миссия также завершилась успешно, за что Миклош снискал особую благодарность монарха⁵⁹.

Здесь, несомненно, имеется в виду известная по «Истории» Фомы Сплитского и подробно описанная венецианскими хронистами

попытка жителей Задара освободиться от власти Венеции, предпринятая в том же 1242 г.⁶⁰ Из венгерских документов известно, что в мае 1242 г., во время пребывания Белы IV в Клизе, к нему прибыло посольство от коммуны Задара с просьбой принять город под свое покровительство. Король согласился и утвердил заключенный ранее договор своего брата Кальмана с жителями Задара о переходе их под власть венгерского короля⁶¹.

После этих событий начался период длительных переговоров, во время которых венецианцам удалось добиться возвращения всех своих соотечественников и материальных ценностей, захваченных в Задаре. Очевидно, в переговорах венгерского короля, ставшего сюзереном Задара, с властями Венецианской республики участвовал Миклош, полномочный посол Белы IV. Поездки в Венецию в описываемое время он, надо думать, совершал неоднократно, поскольку о доставлявшихся им королевских посланиях в жалованной грамоте от 22 апреля 1244 г. говорится во множественном числе.

Заслуга его, очевидно, состояла в том, что ему удалось почти на два года оттянуть начало боевых действий. За это время Бела успел сосредоточить в Задаре значительные военные силы, возглавляемые королевским наместником в Хорватии и Далмации баном Денешем (Дионисием). Вооруженное противостояние началось уже после того, как Миклош исполнил свою миссию и даже успел получить в награду за это земельные пожалования. В июне 1244 г. венецианский флот штурмом овладел Задаром, изгнав оттуда венгров⁶².

Служба Миклоша в качестве королевского посла в Венеции началась, согласно грамоте Белы IV, после ухода татар с Адриатического побережья (*cum post recessum Tartarorum ad easdem partes maritimas*). Можно предполагать, что первая поездка в Венецию могла состояться сразу после возвращения Миклоша из Рима, которое по времени должно было совпасть с решением Белы принять под свой суверенитет Задар. Последующие поездки в Венецию могли происходить во второй половине 1242 и, возможно, в 1243 г.

***Посольство Миклоша к Даниилу Романовичу
и русско-венгерские отношения
первой половины 1240-х гг.***

Вслед за сообщением о посольской службе Миклоша в Венеции в грамоте от 22 апреля 1244 г. помещено описание его поездки на Русь и переговоров с князем Даниилом. Если предположить, что заслуги Миклоша перечисляются здесь в хронологической после-

довательности, то поездка на Русь должна была состояться после окончания миссии в Венеции, т. е. в период между серединой 1242 и апрелем 1244 г.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении факты из истории русско-венгерских отношений первой половины 1240-х гг. не подтверждают, а скорее наоборот - говорят против такой возможности.

Как следует из сообщения Галицко-Волынской летописи, во время, когда татары подошли к Киеву, Даниил Романович находился при дворе венгерского короля («В то же время ехаль бяше Даниль Оугры королеви») ⁶³. Как поясняет далее летописец, князь не знал о постигшей Киев напасти («и еще бо бяшет не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Киевъ») ⁶⁴.

Отводя от Даниила подозрения в намеренном бегстве из страны в канун татарского нашествия, придворный писатель дает понять, что князь имел важную причину уехать в Венгрию: он хотел заключить союз с королем, скрепленный династическим браком («ехаль бе Данило князь ко королеви Оугры, хотя имети с ним любовь сватьства») ⁶⁵.

Цель, однако, не была достигнута («и не бы любви межи има»), поскольку Бела, вопреки прежним намерениям, отказался выдать свою дочь за сына Даниила Льва, после чего Даниилу пришлось ни с чем возвращаться домой. И только добравшись до пограничного Синеводского монастыря, князь узнал о бедствии, постигшем его земли, «виде множество бежащих от безбожных Татаръ» ⁶⁶.

Оскорбительный для Романовичей отказ от ранее обещанного брака был сделан Белой, очевидно, в присутствии несостоявшегося жениха Льва Даниловича, прибывшего ко двору венгерского короля вместе со своим отцом и в сопровождении пышной свадебной свиты из галицких бояр. Не имея возможности вернуться на Русь, Даниил оставил «сына своего Оугрехъ». А сразу после ухода татар из русских земель Лев вернулся к отцу в сопровождении упомянутых бояр («Вышедшоу же Лвови изъ Оугоръ с бояры Галичкими и приеха во Водавоу ко отцю си») ⁶⁷.

Демонстративный отказ от союза с галицко-волынским князем, сделанный в унижающей его достоинство форме, наложил отпечаток на последующие отношения Романовичей с Белой. И когда весной 1246 г. венгерский король обратился к Даниилу с предложением восстановить союзные отношения и сам посватался к Льву Даниловичу, русские князья не поверили в его добрые намерения, «древле бо того измениль бе, обещаваъ дати дщерь свою», потребовав от короля принесения специальной клятвы ⁶⁸.

Из приведенных летописцем слов самого Бела следует, что речь шла тогда не только о брачном союзе, но, прежде всего, о заключении

мира между венгерским королем и галицко-волынским князем. Бела обещал посланцу Даниила митрополиту Кириллу помочь добраться до Nikei, если последний убедит князя заключить с венгерским королем мир («аще створить со мною мир»)⁶⁹. Следовательно, до весны 1246 г. Даниил и Бела фактически находились в состоянии войны, начало которой было положено оскорбительными действиями венгерского короля осенью 1240 г.

После разрыва отношений с Романовичами Бела стал поддерживать их главного соперника в борьбе за Галич - Ростислава Михайловича и даже выдал за него свою дочь⁷⁰. Мартин Димник полагает, что брак Ростислава и венгерской принцессы Анны был заключен сразу после ухода из Венгрии татар и возвращения Бела из Далмации – в апреле или мае 1242 г.⁷¹; Джура Харди относит этот брак к 1242 или 1243 г.⁷², а Дариуш Домбровский допускает возможность бракосочетания Ростислава и Анны в 1243-м или начале 1244 г.⁷³

Нам представляется, что Галицко-Волинская летопись дает более определенные хронологические указания на этот счет. По словам летописца, венгерский король выдал за Ростислава свою дочь после того, как он, разбитый возвращавшимися из Венгрии татарами, бежал к Беле («Ростислава розгнаша Татарове во Боркоу, и бежа Оугры, и вдасть зань паки король Оугорьский дочь свою»). Далее в летописи следует сообщение об отправке к Даниилу идущим из Венгрии Батыем двух «богатырей», Манмана и Балая⁷⁴. Все это – события весны 1242 г.

Очевидно, не случайно возобновление активной внешней политики Бела IV на востоке после ухода из Венгрии татар совпадает с захватом Галича и Перемышля Ростиславом Михайловичем и его союзником Константином Рязанским. Как рассказывает летописец, Даниил и Василько немедленно выступили против Ростислава и вынудили его бежать из Галича. От полного разгрома черниговского князя спасло вторжение в Галицкую землю вышедших из Венгрии татар («весть приде ем, яко Татарове вышли соуть и земле Оугорьское, идоуть в землю Галичькою, и тою вестью спасеся»)⁷⁵. Разбитый затем татарами где-то в Борку («во Боркоу»), Ростислав бежал в Венгрию, где его уже ждала невеста – принцесса Анна.

Противостояние Романовичей с Белой IV продолжалась в 1243 – начале 1244 г. Его ареной на некоторое время стали земли Малой Польши.

Летопись рассказывает о войне русских князей с малопольским князем Болеславом Стыдливом. Даниил и Василько «внидоша во землю Лядьскоую четырьми дорогами». Поляки нанесли ответный удар и «воеваша около Андреева» (недалеко от Холма). Тогда Рома-

новичи осадили Люблин и потребовали от жителей: «Не помогайте князю своему»⁷⁶.

Как неоднократно отмечалось в литературе, выступление Даниила и Василька было связано с борьбой за Краков Болеслава Стыдливового и Конрада I Мазовецкого, союзника Романовичей, предоставившего им убежище во время нашествия Батыя⁷⁷. Этот конфликт, однако, носил более широкий международный характер. В нем участвовал также венгерский король Бела IV, действуя против Конрада и Романовичей на стороне своего зятя Болеслава.

Из венгерских источников известно, что на помощь Болеславу Бела отправил войска под командованием комита Тренчина Богмела (Богомера) (*Vogomerius, comes Trenchiniensis*), который успешно справился со своей задачей и, видимо, еще до конца 1243 г. вернулся домой. В жалованной грамоте, выданной Богмелу 23 мая 1244 г., Бела отмечал его заслуги «в государственных и частных делах нашего королевства в Польше, Болгарии и других королевствах» (*in publicis quam privatis regni nostri negociis in Polonia, Bulgaria ceterisque regnorum*). Как следует из документа, важнейшая заслуга Богмела состояла в том, что он, будучи «послан на помощь нашему дорогому зятю светлейшему герцогу Польши против герцога Конрада», исполнил поручение «с большой для нашего величества честью»⁷⁸.

Д. Домбровский датирует поход Даниила и Василько в Польшу концом 1243-1244 г.⁷⁹ Между тем есть основания полагать, что уже в битве под Суходолом 25 мая 1243 г. на стороне Конрада Мазовецкого сражались русские князья. К такому выводу приходит Герард Лябуда на основании грамоты Болеслава в адрес некоего Клемента из Рушчи (1252 г.)⁸⁰. В документе упоминается об участии в битве под Суходолом на стороне Конрада четырех князей, в том числе, как полагает Лябуда, Даниила и Василька⁸¹.

Как видим, во внутренний конфликт польских князей оказались втянутыми венгерский король и галицко-волынские князья, чьи войска должны были вступить в столкновение друг с другом уже в 1243 г.

Анализируя задачи восточной политики Белы IV после ухода из Венгрии татар, Иван Бертеня констатирует, что отправка венгерских войск в Польшу «была осуществлена не просто для оказания помощи попавшему в беду зятю короля, но и для выполнения завоевательных планов Белы, направленных на восток». В благодарность за помощь Болеслав Стыдливый предоставил Беле территорию Малой Польши в качестве плацдарма «для военных операций венгров с целью захвата Галича и оказал ему непосредственную военную помощь»⁸².

Уже в начале 1244 г. боевые действия с участием венгерских войск переместились на территорию Галицкой земли. В литературе давно

отмечено, что успешную осаду Люблина, о которой, помимо русской летописи, сообщают также польские источники⁸³, Романовичи должны были прервать ввиду вторжения в Галицкую землю венгерских войск⁸⁴.

Об этом событии сообщает Галицко-Волынская летопись. Улучив благоприятный момент, Ростислав Михайлович уговорил своего тестя дать ему «Оугорь много» и начал поход на Перемышль. Сначала верные Романовичам войска терпели поражение, но затем, когда основные их силы прибыли из-под Люблина, Даниил смог разбить Ростислава, и тот вернулся в Венгрию⁸⁵.

Своей кульминации русско-венгерское противостояние достигло в 1245 г., когда в битве под Ярославом Романовичам удалось нанести решающее поражение Ростиславу и пришедшим с ним венгерским и польским войскам.

Посольство Миклоша в Болгарию и венгеро-болгарский союз конца 1239 г.

Возвращаясь к описанному в королевской грамоте от 22 апреля 1244 г. посольству Миклоша к Даниилу Романовичу, мы должны констатировать, что это событие едва ли могло произойти позднее осени 1240 г., когда наступил разрыв в отношениях между венгерским королем и Романовичами и Бела IV начал проводить враждебную им политику. Это посольство должно было состояться раньше, в период, когда венгерский король усиленно искал союзников ввиду надвигавшейся угрозы монгольского вторжения.

Содержание грамоты не противоречит такому предположению. Посольство на Русь, хотя и помещено в перечне заслуг Миклоша после миссии в Венецию, не обязательно должно было состояться позднее нее, поскольку сам этот перечень составлен без четкого соблюдения хронологической последовательности событий. Составитель грамоты представляет заслуги Миклоша прежде всего по степени их важности для короля.

Думать так позволяет характерный риторический прием, использованный в грамоте. Описав посольства к папскому двору и в Венецию как важнейшие заслуги Миклоша, составитель документа в свойственной ему повествовательной манере как бы сам себя спрашивает: «А что же еще?» (*Quid plura?*) - и только после этого переходит к описанию поездок Миклоша на Русь и в Болгарию. Как менее важные с точки зрения королевских интересов поездки на Русь и в Болгарию перечислены в грамоте во вторую очередь, после поездок в Рим и Венецию.

Рассказав о поездке Миклоша на Русь, составитель грамоты переходит к описанию его поездки в Болгарию, которой завершается перечень заслуг верного королевского сервиента. Из документа следует, что посольства на Русь и в Болгарию как-то связаны между собой. В грамоте сказано, что в Болгарии, куда Миклош ездил «ради того же дела, по которому он был послан» (речь идет, вероятно, о предыдущем посольстве на Русь), королевский посол был «задержан против своей воли на несколько месяцев», но, несмотря на все трудности, остался по-прежнему верен своему королю⁸⁶.

По характеру сообщения можно сделать вывод, что в Болгарию Миклош прибыл после посещения Даниила Галицкого, вероятно, на обратном пути в Венгрию. Бела отправлял посла «в края Русские и края Болгарские», вероятно, с одной общей целью – получить достоверные сведения о татарах, что явствует из обещания Даниила представить такие сведения («все состояние тартар обещал нам обстоятельно сообщить»).

Датировать посольство Миклоша в Болгарию, как нам представляется, можно с высокой долей вероятности. Болгаро-венгерские отношения во второй половине 1230-х гг. развивались под сильным влиянием внешнеполитических факторов, важнейшим из которых была борьба Никейской империи за отвоевание Константинополя у латинян. Болгарский царь Иван II Асень (1218–1241) на некоторое время стал союзником никейского императора Иоанна III Ватаца (1221–1254), которому в 1234–1236 гг. удалось захватить важный плацдарм во Фракии для последующего отвоевания византийских владений на Балканах⁸⁷.

В конце 1236 или начале 1237 г. под давлением папы союз Болгарии с Никеей был разорван. Вскоре вместе с латинянами и половцами Иван II Асень начал осаду стратегически важной крепости Цурул (ныне г. Чорлу, Турция), незадолго перед тем отобранной Ватацем у латинян. Однако осенью 1237 г., получив известие о внезапной смерти своей жены Марии (Анны) Венгерской и ребенка⁸⁸, а также болгарского патриарха Иоахима, Асень, по сообщению Георгия Акрополита, воспринял эти напасти как проявление Божией кары за предательство греков, снял осаду и отправил послов к Ватацу с просьбой о восстановлении союза⁸⁹. Разрыву с Западом способствовало, несомненно, крушение планов Асеня с помощью папы самому воцариться в Константинополе⁹⁰.

Реакция Рима не заставила себя ждать. Уже в начале 1238 г. папа Григорий IX обратился с призывом к организации крестового похода против Болгарии. Главная роль в этом отводилась Венгрии. В течение 1238 г. папа неоднократно призывал венгерского короля выступить

против Асеня, обещая в случае успеха передать под власть Венгрии болгарские земли. Бела IV, ссылаясь на родственные связи с болгарским царем, искал поводов уклониться от похода, выдвигая заведомо невыполнимые условия. Папа проявлял настойчивость и выражал готовность выполнить некоторые из них. Чтобы усилить давление, понтифик привлекал к делу венгерских епископов и отправлял в Венгрию своих легатов⁹¹.

В 1239 г. при посредничестве Белы IV между Иваном II Асенем и папским легатом Иоанном Тевтонским прошли переговоры. О их результатах можно судить по содержанию письма венгерского короля к папе, датированного 13 января 1240 г. Бела принял у себя посланцев папы, бывшего боснийского епископа Иоанна Тевтонского и сопровождавшего его Григория, приора Ордена доминиканцев в Пеште, и сделал все от него зависевшее для успешных переговоров с болгарским царем. На обратном пути в Рим папские послы вновь посетили Белу, и тот отправил вместе с ними к папе новопоставленного северинского епископа Григория, вероятно, также участвовавшего в переговорах с Асенем и представлявшего на них венгерского короля⁹².

Таким образом, в конце 1239 г. был восстановлен союз между Венгрией, Болгарией и Латинской империей, просуществовавший вплоть до смерти Ивана II Асеня в июне 1241 г.⁹³ Одним из условий восстановления отношений между Белой IV и Асенем была уступка в пользу Венгрии спорной Северинской области: в 1240 г. для ее управления был назначен наместник венгерского короля⁹⁴.

Антиникейская направленность союза проявилась в том, что уже в конце 1239 г. латинский император Балдуин II (1228–1261) получил возможность беспрепятственно проследовать со своими войсками через территорию Венгрии и Болгарии в Константинополь. Продав свой родовой замок французскому королю и заложив в Италии вывезенные из Византии христианские реликвии, в том числе терновый венец Спасителя, Балдуин собрал новую армию крестоносцев и заключил союз с половцами, бежавшими в Венгрию и Болгарию от татар⁹⁵. С этими силами латинский император весной или летом 1240 г. взял крепость Цурул⁹⁶.

Как справедливо полагает Христо Димитров, одной из важных причин венгерско-болгарского примирения в конце 1239 г. была нараставшая монголо-татарская угроза и необходимость общей борьбы с ней⁹⁷. Во всяком случае, венгерский и болгарский правители практически одновременно вступили в борьбу с татарами. В марте 1241 г., когда началось вторжение войск Батыя в Венгрию, Иван II Асень смог организовать отпор и остановил наступление одного из отрядов захватчиков в Валахии⁹⁸.

Переговоры венгерского короля с болгарским царем о совместной борьбе против татар, очевидно, велись через посланца Бела IV Миклоша, посетившего Болгарию после переговоров с Даниилом Галицким, предметом которых также была надвигавшаяся татарская угроза.

Надо думать, что татарский вопрос встал на повестку дня венгерско-болгарских отношений сразу после того, как было достигнуто согласие между папой и болгарским правителем о судьбе Константинополя. Посольство Миклоша в Болгарию должно было состояться вскоре после отъезда оттуда папского легата Иоанна Тевтонского и сопровождавших его венгерских представителей.

К 1239 г., по-видимому, относится и окончательное оформление союза Бела IV с половецкой ордой хана Котяна, обитавшей в западной части причерноморских степей. По сообщению магистра Рогерия, спасаясь от татар, Котян обратился к Беле с просьбой предоставить ему убежище на территории Венгрии, обещая взамен полностью подчиниться Беле и принять католическую веру. Венгерский король «исполнился великой радости» и после переговоров, проведенных с участием доминиканских монахов, разрешил половцам, которых, «не считая семей, было сорок тысяч», переселиться в Венгрию⁹⁹.

О половецком переселении в Венгрию сообщают и другие западноевропейские источники, относя это событие к 1241–1242 гг.¹⁰⁰ Однако, согласно другому свидетельству Рогерия, переселение должно было произойти раньше: говоря о русинах, спасавшихся от татар в Венгрии, магистр вспоминает, что «Кутен более чем на год со своими людьми опередил русинов», следовательно, переселение орды Котяна могло произойти не позднее 1239 г.¹⁰¹ Впрочем, контакты Бела IV с половцами были установлены еще ранее: от нежелательного покровительства половцам венгерского короля предостерегал великий монгольский хан в послании, составленном около 1237 г.¹⁰² Накануне татарского вторжения в Венгрию Котян, заподозренный в тайных связях с татарами, был убит, после чего пришедшие с ним половцы отказались повиноваться венгерскому королю и ушли в Болгарию¹⁰³. По-видимому, эти события произошли ранее, чем это следует из описания Рогерия, возможно, в самом начале 1241 г.¹⁰⁴

Итак, с учетом всех известных фактов истории русско-венгерских и венгерско-болгарских отношений конца 1230 – начала 1240-х гг., а также биографии королевского посла Миклоша его поездка на Русь и затем в Болгарию, целью которой был сбор сведений о татарах и, по-видимому, подготовка союза против них, должна была состояться в конце 1239 – начале 1240 г.

Это в свою очередь означает, что посещение «светлейшим герцогом Даниилом» некоего «принца Тартар», о котором Миклош известил

венгерского короля, вернувшись из поездки на Русь и в Болгарию, должно было произойти еще до конца 1239 г.

Как нам представляется, жалованная грамота Бельи IV Миклошу, сыну Обичка из Зюд, изданная 22 апреля 1244 г., зафиксировала тот же самый факт, о котором говорят русские летописи первой половины XV в. (Новгородская Карамзинская, Софийская Первая и Новгородская Четвертая)¹⁰⁵. В грамоте венгерского короля и в летописях новгородско-софийской группы, в наиболее исправном виде сохранивших первоначальный текст «Повести о нашествии Батыя» южнорусской версии¹⁰⁶, речь идет о встрече русского князя с предводителем татар под Киевом, произошедшей вскоре после захвата и разорения татарами Чернигова.

Русские летописи называют имя этого «принца Тартар», как его именует венгерская грамота, – «Меньгоукан», т. е. хан Менгу (Мункэ), ставший великим монгольским ханом в 1251 г. Кроме того, из русских летописей следует, что в примирении с татарами, помимо Даниила Романовича, участвовали еще двое князей – Мстислав Глебович и Владимир Рюрикович¹⁰⁷.

Если следовать сообщаемой псковскими летописями и принятой в современной литературе дате падения Чернигова – 18 октября, то примирение русских князей с татарами должно было произойти, во всяком случае, до того как началась осада монголами столицы северокавказской Алании Магаса. По свидетельству китайской официальной хроники Юань-ши, осада «города асов Ме-цью-сы» (Ме-це-сы чэн) началась зимой, в одиннадцатой луне (месяце) года цзи-хай (т. е. между 27 ноября и 26 декабря 1239 г.)¹⁰⁸. По данным персидского историка Рашид ад-Дина, в осаде Магаса (Минкаса) принимал участие Менгу¹⁰⁹. Следовательно, встреча под Киевом, переговоры и примирение Менгу с русскими князьями должны были произойти не позднее ноября 1239 г.

Вскоре после этих событий, еще до конца 1239 г., Даниила Романовича посетил посол венгерского короля, которому князь сообщил о своем свидании с «принцем Тартар», а также о том, что ему удалось «полностью увидеть и узнать все состояние Тартар». Даниил отправил Беле письменное послание, в котором, вероятно, обещал более «обстоятельно сообщить» о договоренностях с татарами при личной встрече.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislaviae, 1987. T. 2 (1235 – 1260). Nr. 150. P. 100-102. Здесь же указаны предыдущие публикации документа и посвященная ему литература.

2. Как устанавливает Р. Марсина, упомянутые в грамоте географические объекты ныне располагаются на территории Банскобыстрицкого края в Словакии: Zyud – ныне село Сюдовце (Súdvce) в Крупинском районе; Koarzeg – ныне село Коляре (Koláre) в Вельки-Кртишском районе. Ibid. P. 100.

3. Ibid. P. 101.

4. «Ad partes Ruscie et ad partes Bulgarie in nostra legacione profectus, ab illustrissimo duce Danela, qui Tartarorum principe visitato ad propria rediens, univsum statum Tartarorum prout viderat et cognoverat, edisserandumb nobis promiserat, stili officio conditum reportavit». Ibid.

5. Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. 3. С. 66. Прим. 3.

6. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 236. Эту же мысль повторяет Н. Ф. Котляр (*Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб.; Киев, 2008. С. 280).

7. Avenarius A. Nikaia und Russland zur Zeit der tatarischen Bedrohung // Byzantinoslavica. Prague, 1980. Bd. 41. S. 37-38, Anm. 23.

8. ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 794.

9. Дашкевич Я. Данило Романович і єпископ Петро в освітленні караїмського джерела // Дашкевич Я. Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури. Львів, 2006. С. 47.

10. Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 231-232.

11. Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264, Lublin, 2005. S. 108-109.

12. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 151. См. также другие документы Белы IV, датированные 1243 – 1244 гг.: Ibid. Nr. 121, 122, 124, 126, 128, 129, 131, 137, 139, 146, 147, 153, 154, 158, 159, 165, 167, 168, 171, 179.

13. Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I. P. 467.

14. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér. Budae, 1834. T. IX. Vol. 5. P. XXV; Werttner M. Die Regierung Béla's des Vierten. Nach urkundlichen Quellen bearbeitet // Ungarische Revue. Budapest, 1893. Bd. 13. S. 380.

15. Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt / Szer. S. Szilágyi. Budapest, 1899. K. 2. O. 520.

16. Фонт М. Венгры на Руси в XI-XIII вв. // А се его серебро. Збірник праць на пошану чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 97.

17. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett «tatár-levele» Századok. 1987. Evf. 121. Sz. 4. O. 590.

18. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych) // *Україно-угорські етуди / Відп. ред. Л. Войтович. Львів, 2010. Вип. 1. С. 168-169. Прим. 7.*

19. *Karácsonyi J.* A hamis, hibáskeltű és keltezetlen oklevelek jegyzéke 1400-ig. Budapest, 1902. Nr. 87. O. 16; *Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery.* Budapest, 1923. T. 1. Vol. 1 (1001–1270). Nr. 763. P. 228.

20. *Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica.* T. 1. Vol. 1. P. 228.

21. *Дашкевич Я.* Данило Романович і єпископ Петро... С. 47-48.

22. *Волощук М.* Проблема кількості візитів Данила Романовича in *Tartaria: джерелознавчий аналіз угорського диплому від 22 квітня 1244 р. // Дрогоичинь 1253. Матеріали міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 18-36.*

23. Там же. С. 23-25.

24. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 2. P. 101.

25. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér.* Buda, 1829. T. IV. Vol. 1. P. 335.

26. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus / Ed. G. Wenzel.* Pest, 1869. T. VII. Nr. 107. P. 163-165.

27. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis / Ed. F. Knauz.* Strigonii, 1874. T. I. Nr. 446. P. 356-357.

28. *Codex diplomaticus Patrius / Ed. E. Nagy et al. Jaurini,* 1867. T. IV. Nr. 12. P. 28.

29. *Marsina R.* Prooemium // *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 2. P. XVII-XVIII.

30. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 2. P. 101.

31. *Волощук М.* Проблема кількості візитів... С. 23, прим.

32. См.: *A középkori Magyarország levéltári forrásainak adatbázisa/Q szekció: DIPLOMATIKAI LEVÉLTÁR / Családi levéltárak (P szekcióból)/Madách család (Q 120)/DL 72302 (<http://www.arcanum.hu/mol>).*

33. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 760.

34. См., напр.: *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina.* Bratislavae, 1971. T. 1 (805 – 1235). Nr. 291, 292 (1224 г.), 351, 254, 356, 357 (1229 г.), 362, 365 (1230 г.), 373 (1231 г.), 385 (1232 г.), 420 (1233 г.).

35. *Волощук М.* Проблема кількості візитів... С. 28.

36. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér.* Buda, 1829. T. III. Vol. 2. P. 47. См. также: *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 1. Nr. 303. P. 221.

37. См.: *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 1. Nr. 217. P. 172.

38. См.: *Kostolnyik Z. J.* Hungary in the thirteenth century. New York, 1996 (East European monographs. Nr. 439). P. 91.

39. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 1. Nr. 291. P. 212-213.

40. Ibid. Nr. 292. P. 213.

41. *Privilegia et Libertates Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. J. Kukuljevic Aliter Bassani de Sacchi.* Zagrabiae, 1862. Nr. 41. P. 49-51.

42. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. 1. Nr. 401. P. 132.
43. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 220. P. 152-154. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1927. T. I. Vol. 2 (1001 – 1270). Nr. 832. P. 250-252.
44. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1930. T. I. Vol. 3 (1001 – 1270). Nr. 1286. P. 392-393.
45. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 608. P. 186-187.
46. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1266. P. 386.
47. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1388. P. 425.
48. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 945. P. 292-293.
49. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 1076. P. 335.
50. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1226. P. 375-376.
51. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1244. P. 380; Nr. 1252. P. 382-383.
52. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1559. P. 476-477.
53. «...quo adversitas Tartarorum regnum nostrum invaserat et nos presidio fuge ad partes maritimas proficisceremur, ante ipsos omnesque barones ac multi nobiles regni nostri deservissent; tunc idem Nicolaus nos nullatenus dereliquit, sed potius cum omni familia domus sue usque ad insulas maritimas fuit nos secutus, tandem de Tragurio od curiam Romanam per multa pericula marium. et terrarum, super inpetranda procuracione venerabilibus patribus, qui ad gubernandas Strigoniensem, Colocensem, Geuriensem ecclesias, eorum antecessoribus per lugubris memorie Tartaros interemptis fuerant postulati, in nostra legacione ardenti studio est profectus».
54. *Toma Arhiđakon*. Historia Salonitana: povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika / Priredila i prevela O. Perić. Split, 2003 (Biblioteka Knjiga Mediterana, 30). Cap. XXXVI. 9. P. 226. Русский перевод см.: *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. статья, перевод и комментарий О.А. Акимовой. М., 1997. С. 109.
55. *Toma Arhiđakon*. Historia Salonitana. Cap. XXXIX. 3-4. P. 250; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 118.
56. Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. T. Smičiklas (et al.). Zagreb, 1906. T. IV. P. 146-148, 153.
57. Ibid. P. 144-145, 151-152, 162-163.
58. По мнению Хансгерда Геккеньяна, массовый отход монгольских войск из Венгрии на восток начался в конце марта 1242 г. (*Геккеньян Х. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы // История татар с древнейших времен*. В 7 томах. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 164).
59. «Item cum post recessum Tartarorum ad easdem partes maritimas vergeremus secundario et super facto ladrie inter nos et Venetos esset discordia suscitata, ipse fidelis Nicolaus nobis mittentibus Venecias accedens litteras conposicionis, tam ex parte nostra ad ipso s Venetos quam eiam econverso, non sine magna providencia condidit illis suas et nobis nostras commendabiliter reportando».

60. См.: *Toma Arhidakon*. Historia Salonitana. Cap. XLII. P. 266, 268; *Дома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 124-125; *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta* aa. 46-1280 / A cura di E. Pastorello. Bologna, 1938. P. 353-356; *Martino da Canal*. Cronique des Veneciens / A cura di L. F. Polidori // Archivio storico italiano. Firenze, 1845, T. VIII. P. 390-400.

61. См.: *Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. T. IV. P. 162; *Andreae Danduli Chronica...* P. 353; *Martino da Canal*. Cronique des Veneciens. P. 390.

62. См.: *Pauler Gy*. A magyar nemzet. Budapest, 1893. K. 2. O. 266-272, 670-671. См. также: *Miller S. M.* Venice in the east Adriatic: experiences and experiments in colonial rule in Dalmatia and Istria (C. 1150-1358). Stanford University, 2007.

63. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785-786.

64. Там же. Стб. 786.

65. Там же. Стб. 787.

66. Там же.

67. Там же. Стб. 787, 789.

68. Там же. Стб. 809.

69. Там же.

70. Там же. Стб. 794.

71. *Dimnik M.* 1) Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224 – 1246. Toronto, 1981. P. 122, note 93; 2) The Dynasty of Chernigov, 1146 – 1246. Cambridge, 2007. P. 364-365.

72. *Hardi Đ*. Rostislav Michajlovič «Dominus de Machou» // *Studia Balcanica Bohemo-Slovaca*. 2006. T. 6. S. 66.

73. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 165-167, przyp. 4 (здесь же обзор литературы вопроса).

74. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794.

75. Там же. Стб. 793.

76. Там же. Стб. 795-796.

77. См.: *Włodarski B.* 1) Polska i Ruś, 1194 – 1340. Warszawa, 1966. S. 125-126; 2) Polityczne plany Konrada I księcia mazowieckiego // *Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu*. Toruń, 1971. T. 76. Zs. 1. S. 58; *Myśliński K.* Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku // *Nihil superfluum esse*. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesor Jadwidze Krzyżaniakowej / Pod red. J. Strzelczyka, J. Dobosza. Poznań, 2000. S. 231-233; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej... S. 219-220.

78. «Nec pertermittamus, cum eundem in succursum karissimi generi nostri, illustris ducis Poloniae, contra Conradum ducem misissemus, ibi taliter sue probitatis exercuit opera, quod abinde non sine magno nostre celsitudinis honoris rediit incremento». *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. T. 2. Nr. 153. P. 104.

79. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 169.

80. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis (Zbiór ogólny przywilejów i spominków Mazowieckich) / Ed. J. C. Kochanowski. Warszawa, 1919.. Nr. 85.

81. Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Długosza. Próba rekonstrukcji. Poznań, 1983. S. 144-145. Эту точку зрения принимает также М. Бартницкий (*Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 79-80).

82. Бертењи Й. Международное положение Венгрии после татарского нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. С. 316-317.

83. См.: Nadawniejsze roczniki Krakiwskie i kalendarz / Wyd. Z. Kozłowska-Budkowa. Warszawa, 1978 (Pomniki dziejowe Polski. Ser. 2. T. V). S. 80, 241.

84. Włodarski B. Rola Konrada Mazowieckiego. S. 39; Szambelan Z. Najazdy ruskie. S. 16-19; Myśliński K. Problemy terytorialne... S. 232-233; Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 81-86.

85. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797.

86. «In Bulgaria vera per plures menses involuntarie detentus, negocium eciam, pro quo eum miseramus, promotioni reddidit commendande, saliens idem Nicolaus de virtute fidelitatis in virtutem devocionis easdem virtute constancie quasi quo dam signaculo roborando».

87. Подр. см.: Жаворонков П. И. Никейско-болгарские отношения при Иване II Асене (1218–1241) // Византийские очерки. Труды советских ученых к XV Международному конгрессу византинистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1977. С. 195–209.

88. Дочь венгерского короля Андрея II Мария в 1221 г. стала второй женой болгарского царя Ивана II Асеня (в болгарских источниках она известна под именем Анна); Беле IV Мария (Анна) приходилась родной сестрой; имя и пол умершего вместе с ней ребенка неизвестны. См.: Божилев И. Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 87, 104; Николов Г. Н. Венгры в Болгарском царстве в XIII – XIV веках // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged, 1994. P. 78-79.

89. Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Leipzig, 1903. Vol. I. P. 56.14–22. Русский перевод см.: Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст., коммент. и прилож. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 73. См. также: Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204 – 1261). София, 1985. С. 139-142.

90. Данчева-Василева А. България и Латинската империя... С. 142-144.

91. См.: Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. I (1216 – 1352). Nr. 283-286, 288, 294, 295, 297-299, 308. P. 159-162, 164-167, 170-171.

92. Латински извори за българската история / Под ред. В. Гюзелев (и др.). София, 1981. Т. 4. С. 80-81.

93. См.: Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998. С. 142-144.

94. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. 1. Nr. 674. P. 204-205.

95. См.: *Hendrickx B. Régestes des impereurs latins de Constantinople* (1204–1261/72) // *Byzantina*. 1988. Т. 14. Nr. 191, 207, 210.
96. *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя... С. 150.
97. *Димитров Хр.* Българо-унгарски отношения... С. 143–144.
98. См.: *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеновци. София, 1978. С. 127; *Павлов Пл.* България, «Златната орда» и куманите // *Векове*. 1989. Т. 18. Кн. 2. С. 26.
99. *Rogerii Carmen Miserabile* / Ed. L. Juhász // *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1938. Vol. II. P. 553–554. Русский перевод см.: *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с латинского, вступ. статья и коммент. А. С. Досаева. СПб., 2012. С. 18–19.
100. См.: *Rogerii Carmen Miserabile*. P. 553–554; Матвей Парижский. Великая хроника // *Матузова В.И.* Английские Средневековые источники: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 155; *Albrici monachi Triumphontium Chronikon*. – 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae*, 1874. Т. XXIII. P. 946; *Chronica Andreae Danduli*. P. 299; *Continuatio Sancrucensis* II. a. 1234 – 1266 / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae*, 1874. Т. IX. P. 640.
101. *Rogerii Carmen Miserabile*. P. 561; *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 27, 239.
102. *Epistola fr. Juliani de bello Mongolorum* / Письмо брата Юлиана о монгольской войне / Публ. С. А. Аннинского // *Исторический архив*. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 88–89.
103. *Rogerii Carmen Miserabile*. P. 566–568; *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 33–36.
104. См.: *Павлов Пл.* Куманите в общественно-политический живот на средновековия България (1186 – началото на XIV в.) // *Исторически преглед*. 1990. 36/7. С. 22.
105. См.: *Майоров А. В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.
106. См.: *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. С. 33–94; *Его же.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2. С. 43–113.
107. См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 299–301. СПб., 2002. Т. 42. С. 115–116; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 221–222.
108. *Иванов А. И.* История монголов (Юань-Ши) об асах-аланах // *Христианский Восток*. СПб., 1913. Т. II. Вып. 3. С. 283, 299; *Золотая Орда в источниках*. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 175, 242.
109. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с персидского Ю. П. Верховского; под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. С. 39.